

**Александр
ВОРОНИН**
г. Петрозаводск

На общей волне

НА ВСТРЕЧЕ С ВЕТЕРАНОМ

Он рассказывал, как брали с боем
высоту. И показалось мне —
это я бегу несжатым полем
к доту, вкопанному на холме.
Видится, как очередь ложится
всплесками, впритирку возле ног,
и солдат отчаянные лица,
все вложивших в яростный рывок.
И не он, а я, достигнув дота,
пожалев, что больше нет гранат,
от смертельной жатвы пулемета
уцелевших заслонил ребят.
Выжил, посмеявшись над судьбою,
и войну оставил позади,
и всегда пять пуль носил с собою,
вынутых из раненой груди.
Я пришел в себя. У ветерана
помутнел от прошлой боли взгляд.
Вдруг и сам я ощутил те раны,
боже правый, как они болят!

* * *

Я говорю, что Вечный огонь
холоден, словно лед.
Тот, кто приблизит к нему ладонь,
вряд ли меня поймет.
Впрочем, не думаю, что ему
этим добавишь ума.

Александр Владимирович ВОРОНИН
родился 3 апреля 1961 года в г. Гатчине.
До 1989 года кадровый военный.

Стихи публиковались в различных журналах,
альманахах и коллективных сборниках.

Автор трех книг стихотворений:

«Метаморфей» (1997), «Круговорот» (2000),
«Одиночество — удел избранных»
на финском языке (Хельсинки, 2008).

Член Союза российских писателей.

* * *

В разведку мой дед на войне не ходил,
ни в море, ни в воздухе не воевал.
Он строил дороги, мосты возводил,
случалось, и те, что когда-то взрывал.
Спросил его как-то: «А сколько наград
за ратные подвиги ты заимел?»
Но дед промолчал и кивнул невпопад,
и орден единственный тускло блестел.
Ах, фронт! Не отправили деда туда,
хотя, как и все, он писал рапорта,
а фронт был под боком, и смерти труды
исправно поправки вносили в ряды.
Шагнули немногие в мирные дни.
И дед среди них, не герой, не пророк.
Помилуй же, Время, его, сохрани,
коль Бог в свое время его уберет!

Если б ему там лежать самому,
понял бы — льдиста тьма.
Где бы я ни был, ночью и днем,
чтоб о войне не забыл,
жжет мою душу синим огнем
холод братских могил.

НА ОБЩЕЙ ВОЛНЕ

Был я поздно рожден, не попал на войну
 и хочу положить не поэтому ли
 всем, прикрывшим собой мою мать и страну,
 благодарный и горький поклон до земли.
 За «котел сталинградский» и «курский гранит»,
 за «пружину московскую», «ладожский мост»
 говорю я спасибо свое всем, кто спит
 под тяжелым огнем обелисковых звезд.
 Кто в чадающих полях наступавшей войны,
 если боезапас у него иссякал,
 за победу другой не приемля цены,
 шел на танк и под ним свое сердце взрывал.
 Кто не бросил подбитый в бою «ястребок»,
 а, с машиной сливаясь, слабея от ран,
 направлял в средоточье железных дорог
 или в небе израненном шел на таран.

* * *

Как ты думаешь обо мне
 в круговерти дневной и во сне?
 Ну, а если б я был на войне,
 как бы думала ты обо мне?
 Наша жизнь непроста, непроста.
 И с крестом она и без креста.
 Пусть сто лет, пусть хотя бы полста,
 только пусть она будет чиста.
 Чтоб ни домыслов и ни вранья,
 чтоб ни хищников, ни воронья.
 Чтобы градом не било жнивья,
 на котором растут сыновья.
 Чтобы все — по уму, по цене,
 небо в звездах, цветы на окне,
 и чтоб думала ты обо мне
 так, как будто бы я на войне.

Кто, найдя от осколка обрыв в проводах,
 рухнув рядом, прошитый кусочком свинца,
 восстанавливал связь, зажимая в зубах
 перебитого провода оба конца.
 Кто нашел в себе мужество падать на дот,
 обезвреживать мины, в застенках молчать,
 кто тогда не дошел до Берлинских ворот
 и Победу кому не пришлось отмечать.
 Всем погибшим пускай будет пухом земля,
 всем платившим по самой высокой цене,
 и я верю, что все они слышат меня,
 ведь сердца наши бьются на общей волне.

* * *

Затих учебный бой на полигоне.
 На сборный пункт гурьбой идут курсанты.
 Они горды. Они сейчас в законе —
 с отличием отбили все десанты.
 Трава под сапогами мнется гибко,
 вскрывает разговор нюансы боя,
 по лицам потным бегают улыбка, —
 они довольны и горды собою.
 Им нипочем светила жар палящий,
 несут «Калашниковы», как берданки.
 А если б бой случился настоящий?
 А если б их живьем давили танки?
 А если по сплошной кровавой слизи
 они бы шли, довольно улыбаясь?
 Что изменилось бы в небесной выси?
 Иду среди них сейчас. И спотыкаюсь.